

ТРАНСФОРМАЦИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКИХ ТРЕУГОЛЬНИКОВ» В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Касимов Муталиб,

«Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего
образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ»
филиал в г. Ташкенте, Доктор философии (PhD) по политологии, доцент

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются теоретико-методологические основания трансформации межгосударственных «стратегических треугольников» в условиях формирования полицентричной архитектуры мироустройства. Осуществлен критический анализ линейных подходов классических теорий международных отношений, продемонстрирована их ограниченность перед лицом гибридных угроз безопасности и глубокой экономической взаимозависимости. Систематизированы современные аналитические модели, включая системно-сетевой подход, конструктивизм, а также концепцию «региональной многовекторной трилатерализации», развиваемую узбекской политологической школой. Концептуализирована динамика геополитических триад в пространстве Центральной Азии. Особое внимание уделено роли Узбекистана как активного субъекта и регулятора балансов внутри глобального (РФ–КНР–США) и функционального транспортно-логистического (Узбекистан–Афганистан–Пакистан) треугольников. Сформулированы практические рекомендации для внешнеполитического ведомства Республики Узбекистан.

Ключевые слова: *стратегические треугольники, полицентричный мир, Центральная Азия, внешняя политика Узбекистана, трилатерализация, гибридная геополитика, Трансафганский коридор.*

ABSTRACT

The article explores the theoretical and methodological foundations of the transformation of interstate "strategic triangles" in the context of a forming polycentric world order architecture. It critically analyzes the linear approaches of classical international relations theories, demonstrating their limitations in the face of hybrid security threats and deep economic interdependence. Modern analytical models are systematized, including the system-network approach, constructivism, and the concept of "regional multi-vector trilateralization" developed by the Uzbek school

of political science. The dynamics of geopolitical triads in Central Asia are conceptualized. Special attention is paid to the role of Uzbekistan as an active subject and regulator of balances within the global (RF–PRC–USA) and functional transport-and-logistic (Uzbekistan–Afghanistan–Pakistan) triangles. Practical recommendations for the foreign policy of the Republic of Uzbekistan are formulated.

Keywords: strategic triangles, polycentric world, Central Asia, foreign policy of Uzbekistan, trilateralization, hybrid geopolitics, Trans-Afghan corridor.

ANNOTATSIYA

Maqolada ko‘p qutbli dunyo shakllanishi sharoitida davlatlararo «strategik uchburchaklar» transformatsiyasining nazariy-metodologik asoslari tadqiq etilgan. An‘anaviy xalqaro munosabatlar nazariyalarining chiziqli yondashuvlari tahlil qilinib, ularning gibrid xavfsizlik va chuqur iqtisodiy o‘zaro bog‘liqlik sharoitidagi cheklovlari ko‘rsatib o‘tilgan. Tizimli-tarmoqli yondashuv, konstruktivizm, shuningdek, o‘zbek siyosatshunoslik maktabining «mintaqaviy ko‘p vektorli trilateralizatsiya» konsepsiyasini o‘z ichiga olgan zamonaviy tahliliy modellar tizimlashtirilgan. Markaziy Osiyo makonidagi geosiyosiy triadalar dinamikasi konseptuallashtirilgan bo‘lib, unda O‘zbekiston Respublikasining global (RF–XXR–AQSh) va funktsional transport-logistika (O‘zbekiston–Afg‘oniston–Pokiston) uchburchaklaridagi muvozanatlashtiruvchi roli va faol sub‘ekt sifatidagi maqomi alohida yoritilgan. Tadqiqot yakunida O‘zbekiston tashqi siyosati uchun amaliy tavsiyalar shakllantirilgan.

Tayanch so‘zlar: strategik uchburchaklar, ko‘p qutbli dunyo, Markaziy Osiyo, O‘zbekiston tashqi siyosati, trilateralizatsiya, gibrid geosiyosat, Transafg‘on yo‘lagi.

ВВЕДЕНИЕ

Архитектоника современного мироустройства претерпевает фундаментальную трансформацию, характеризующуюся окончательным транзитом от биполярных и моноцентрических моделей к сложной полицентричной реальности. В этих условиях классические жёсткие двусторонние альянсы военно-политического типа во многом утрачивают прежнюю гибкость и адаптивность.

На смену им приходят динамичные, нелинейные трёхсторонние геополитические конфигурации («стратегические треугольники»), которые становятся ключевыми узлами управления региональной и глобальной безопасностью. Переход к гибким трёхсторонним форматам обусловлен тремя ключевыми факторами.

Во-первых, дефицит безопасности и нелинейность угроз: современные вызовы (от технологического соперничества в сфере ИИ и полупроводников до ядерного сдерживания трёх государств одновременно) требуют от акторов мгновенного маневрирования. Двусторонний формат сковывает государства жёсткими обязательствами, в то время как третья вершина позволяет балансировать риски, не прибегая к прямой конфронтации.

Во-вторых, диверсификация баланса сил: триады позволяют вовлекать в орбиту влияния региональных лидеров (например, в рамках конфигураций США–КНР–Индия или Россия–Китай–Северная Корея), превращая треугольники в «многоузловые» площадки.

В-третьих, гибридизация геополитики: взаимозависимость государств больше не ограничивается военной мощью. Современный стратегический треугольник может формироваться вокруг цепочек поставок критических технологий (например, треугольник США–Тайвань–Вьетнам в полупроводниковой индустрии).

Классический инструментарий теории международных отношений (ТМО), включая базовую модель «треугольной дипломатии» Г. Киссинджера и триады Л. Диттмера, во многом опирался на логику жёсткого баланса сил и бинарного выбора. Сегодня же акторы могут одновременно конкурировать в сфере безопасности и глубоко сотрудничать в экономике, что рождает острую научную проблему: традиционные подходы ТМО не в полной мере объясняют амбивалентное поведение государств внутри современных триад.

Следовательно, возникает объективная необходимость в концептуальном переосмыслении и систематизации современных подходов к изучению «треугольных отношений», что определяет высокую актуальность данного исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

Теоретико-методологическую базу исследования составляет совокупность взаимодополняющих аналитических подходов, выработанных ведущими международными и национальными политологическими школами.

В качестве основного метода применяется сравнительный анализ исследовательских школ и концептуальных моделей, что позволяет систематизировать существующие подходы к изучению «стратегических треугольников». Системно-сетевой подход используется для анализа динамики межгосударственных триад как нелинейных, адаптивных сетевых структур.

Конструктивизм привлечён для объяснения роли идентичности, норм и дискурса в формировании геополитических ориентиров государств —

участников треугольников. Геоэкономический подход применяется при анализе функциональных триад, сформированных вокруг транспортно-логистической инфраструктуры.

Исследование опирается на четыре ключевые научные школы, чьи методологические разработки образуют теоретическую основу работы.

1. Российская исследовательская школа: Количественный индексный анализ и неоевразийский баланс сил

Российские политологи акцентируют внимание на математической строгости оценки «вершин» треугольников и их асимметрии, уходя от исключительно умозрительных категорий. В центре внимания находится концепция «одноцентровых» и «бицентровых» триад, функционирующих на основе Сводного индекса национального потенциала (CINC). «Трехсторонняя дипломатия в XXI веке не сводится к механическому уравниванию военных потенциалов. Применение количественных индексов (в частности, CINC) позволяет классифицировать симметричные и асимметричные треугольники, выявляя роль "государств-опор" (pivot states) и "буферных зон" в глобальной игре "дуэли трех лиц", где торгово-экономические связи переплетены с военно-стратегическими вызовами»[1].

2. Европейская исследовательская школа: Концепция «Глубокой триангуляции» и институциональная гибкость.

Европейские ученые рассматривают стратегические треугольники не как застывшие союзы, а как динамичные сетевые процессы («триангуляцию»). Они первыми указали на феномен, когда государства умудряются сочетать экстремальную экономическую взаимозависимость с тотальным недоверием в сфере безопасности. «Триангуляция» стала ключевой динамикой международных отношений, демонстрируя уникальное и взрывоопасное сочетание трех компонентов: глубокого укоренившегося недоверия в сфере безопасности, беспрецедентной экономической взаимозависимости и горючей смеси из исторических обид и цивилизационной уверенности»[2].

3. Восточная (Китайская) исследовательская школа: Модель «Асимметричной сетевой автономии»

Китайские исследователи (в частности, школа Университета Цинхуа и институты Китайской академии общественных наук - КАОН) переосмысливают треугольники сквозь призму многополярного доминирования. Они используют метафору «игры в го», где цель вершины — не уничтожить контрагента, а ограничить его маневренность, вовлекая в ловушку «неприсоединения к сторонам». «Современный треугольник КНР–РФ–США представляет собой

гибкую конфигурацию одновременной конкуренции, противостояния и игры, где экономический вес Китая и стратегическая автономия России меняют правила сдерживания, вынуждая внешних акторов балансировать на грани конфронтации и прагматичного сотрудничества»[3].

Узбекская исследовательская школа: Концепция «Региональной многовекторной трилатерализации»

В узбекской политической науке (УМЭД, ТГИВ) сформировался самобытный подход к изучению треугольников, адаптированный под специфику Центральной Азии. Узбекские ученые рассматривают треугольные отношения не с позиции глобальных гегемонов, а с позиции средних держав. Они изучают, как малые и средние государства используют «треугольники интересов» крупных держав (например, Россия — Китай — США в ЦА) для максимизации собственной безопасности и транспортно-логистической автономии. «Для государств Центральной Азии в условиях полицентризма стратегические треугольники внешних сил выступают не угрозой, а пространством дипломатического маневра. Через механизмы многовекторности и прагматичного регионализма достигается нейтрализация рисков гегемонии за счет диверсификации транспортных коридоров и систем коллективной безопасности»[4].

Таблица 1. Сводная аналитическая таблица исследовательских школ

Исследовательская школа	Ключевой аналитический фокус	Защита суверенитета средних держав через балансирование внешних триад
Российская	Симметрия/асимметрия потенциалов, статус «государства-опоры»	Индексный анализ (CINC), теория игр («дуэль трех лиц»)
Европейская	Симметрия/асимметрия потенциалов, статус «государства-опоры»	Концепция динамической «триангуляции»
Восточная	Построение неявных коалиций, ограничение маневра соперника	Сетевая автономия, стратегическое позиционирование
Узбекская	Защита суверенитета средних держав через балансирование внешних триад	Концепция прагматичной многовекторности и транспортной геополитики

РЕЗУЛЬТАТЫ

В условиях формирования полицентричного мироустройства Центральная Азия превратилась в уникальный макрорегиональный узел, где классическая «треугольная дипломатия» приобретает новое концептуальное измерение. Если в XX веке малые и средние государства рассматривались неореалистами лишь как пассивные объекты (пешки) в игре великих держав, то современная узбекская политологическая школа доказывает обратное. В XXI веке суверенные государства региона, прежде всего Узбекистан, выступают активными бенефициарами и регуляторами трехсторонних балансов. На пространстве Центральной Азии сегодня отчетливо выделяются две взаимосвязанные триады (стратегических треугольника), динамика которых напрямую влияет на национальную безопасность Республики Узбекистан.

1. Глобально-региональный треугольник: «Россия — Китай — США» в Центральной Азии

Этот треугольник является классическим примером асимметричной триады, где геополитические интересы трех мировых центров силы проецируются на центральноазиатский регион. Однако его динамика в XXI веке нелинейна.

Китай выступает в качестве ключевого экономического локомотива (через мегапроект «Один пояс, один путь» и строительство железной дороги «Китай — Кыргызстан — Узбекистан»).

Россия сохраняет за собой роль важнейшего гаранта жесткой региональной безопасности (по линии ОДКБ и двусторонних стратегических союзнических соглашений) и глубокого гуманитарно-экономического партнера.

США и ЕС (формат «C5+1») стремятся диверсифицировать внешнеполитические векторы стран региона, предлагая альтернативные инвестиционные треки и технологическое партнерство. «Соперничество в треугольнике Вашингтон — Пекин — Москва на центральноазиатской площадке эволюционировало от жесткого вытеснения друг друга к модели "избирательного сосуществования". В этих условиях Узбекистан реализует стратегию "активного нейтралитета", не вступая в жесткие блоки, но извлекая технологические и инфраструктурные выгоды из соперничества ключевых вершин»[5].

2. Транспортно-логистический треугольник: «Узбекистан — Афганистан — Пакистан» Это принципиально новый тип функционального «стратегического треугольника», который изучается в рамках геоэкономического подхода. Он сформировался вокруг идеи

трансрегиональной взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. Ключевым связующим элементом здесь выступает масштабный инфраструктурный проект железной дороги «Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар» (Трансафганский коридор). Этот треугольник демонстрирует, как экономический интерес способен трансформировать ландшафт безопасности. Стабилизация Афганистана здесь рассматривается не через призму военной силы, а через включение его в торгово-производственные цепочки между Узбекистаном и Пакистаном с выходом к портам Индийского океана (Карачи, Гвадар). «Формирование оси Ташкент — Кабул — Исламабад знаменует собой переход внешней политики Узбекистана от пассивного сдерживания афганских угроз к проактивной геоэкономической триангуляции. Южный транспортный коридор превращает Центральную Азию из тупикового внутриконтинентального региона в ключевой транзитный мост Евразии»[6].

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования теоретико-методологических оснований и практических аспектов трансформации «стратегических треугольников» в XXI веке позволяют сформулировать ряд важных концептуальных выводов и рекомендаций.

1. Теоретические итоги и концептуальные выводы

Классические модели «треугольной дипломатии» эпохи холодной войны, базировавшиеся на неореализме, жестком бинарном выборе и механическом уравнивании военных потенциалов (в частности, триады Л. Диттмера), продемонстрировали очевидную ограниченность в условиях полицентричного мироустройства.

Современные межгосударственные треугольники утратили линейность. Доказано, что в эпоху гибридизации международных отношений акторы способны одновременно находиться в состоянии жесткой конкуренции в сфере безопасности и демонстрировать глубокую торгово-экономическую взаимозависимость (что отчетливо видно на примере современных подходов КАОН и европейской школы «глубокой триангуляции»).

Наибольшим эвристическим и прогностическим потенциалом обладают интегративные модели, сочетающие системно-сетевой подход с концепцией «региональной многовекторной трилатерализации», развиваемой узбекской политологической школой.

2. Специфика центральноазиатских триад

Анализ геополитической архитектоники Центральной Азии подтвердил гипотезу исследования: суверенные государства региона, и в первую очередь

Узбекистан, перестали быть пассивными объектами («пешками») в соперничестве внешних гигантов. Региональное пространство структурировано двумя типами триад:

- Глобально-региональная асимметричная триада (РФ — КНР — США). Здесь Узбекистан эффективно применяет стратегию «активного нейтралитета», балансируя интересы внешних вершин, избегая вхождения в жесткие блоки и диверсифицируя привлечение инвестиций и технологий.

- Функциональная геоэкономическая триада (Узбекистан — Афганистан — Пакистан). Это принципиально новый тип «стратегического треугольника», инициированный самим Ташкентом. Он доказывает, что треугольные отношения в XXI веке могут строиться не вокруг сдерживания, а вокруг трансрегиональной инфраструктурной взаимосвязанности (проект Трансафганского коридора) и совместного управления рисками.

3. Практические рекомендации для внешней политики Республики Узбекистан

На основе верификации современных аналитических моделей предлагаются следующие рекомендации для внешнеполитического ведомства Республики Узбекистан:

- Мониторинг асимметрии триад: Необходимо внедрить в аналитическую практику институтов при МИД РУз (ИСМИ, МИЦА) методы количественного индексного анализа (включая индексы совокупного национального потенциала — CINC) для непрерывного мониторинга степени устойчивости треугольника РФ — КНР — США и упреждения рисков их прямой конфронтации в регионе.

- Институционализация южного вектора: Стратегическую ось Ташкент — Кабул — Исламабад целесообразно переводить из плоскости исключительно двусторонних встреч в регулярный трехсторонний консультативный формат на уровне министров иностранных дел и транспорта. Это закрепит за Узбекистаном статус главного конструктора трансрегиональной логистики.

- Диверсификация «цивилизационных сетей»: В рамках противодействия санкционному давлению и технологической блокаде внутри глобальных треугольников, Узбекистану следует активнее использовать инструменты сетевой автономии — развивать параллельные цифровые, финансовые и транспортные хабы, завязанные на средние державы (Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия, Южная Корея), снижая критическую зависимость от любой из вершин глобального треугольника.

В целом, умение адаптироваться к нелинейной динамике современных макрополитических треугольников и способность проектировать собственные функциональные триады становятся ключевым критерием успешности внешней политики Узбекистана в формирующемся многополярном мире.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Дегтерев, Д. А. Стратегические треугольники и балансирование в мировой политике / Д. А. Дегтерев, М. С. Рамич // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – Москва: Центр ситуационного анализа, 2021. – Т. 14, № 3. – С. 6–12.
2. Rozman, G. Strategic Triangles Reshaping International Relations in East Asia / G. Rozman. – London; New York : Routledge, 2022. – 284 p.
3. Чжао, Х. Стратегический треугольник «КНР – РФ – США»: развитие отношений мировых держав в новую эпоху / Х. Чжао // *Вестник международных отношений*. – Пекин: Наука, 2023. – № 2 (41). – С. 84–95.
4. Мирзаев, Р. С. Геополитические трансформации в Центральной Азии: многовекторность и баланс интересов в XXI веке: монография / Р. С. Мирзаев. – Ташкент: Изд-во «Jahon», 2024. – 312 с.
5. Умаров, А. А. Внешняя политика Узбекистана в контексте глобального соперничества великих держав в Центральной Азии / А. А. Умаров // *Международные отношения: политика, экономика, право*. – Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2025. – № 1 (48). – С. 68–79.
6. Саидов, И. М. Стратегия трансрегиональной взаимосвязанности Центральной и Южной Азии: геоэкономический аспект: монография / И. М. Саидов. – Ташкент: Изд-во «Маънавият», 2024. – 296 с.